

Реалистичная проза сталкивается с магией, а жестокость — с нежностью. Раз в неделю «Горький» совместно с интернет-магазином «Лабиринт» отбирает фрагменты книг, на которые стоит обратить внимание. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию роман корейского писателя Чхона Мёнгвана «Кит», который выходит в издательстве «Текст».

О женщине по имени Чхунхи, умершей много лет назад, люди узнали от архитектора, который построил большой театр, и представил он ее как «королеву красного кирпича». В ту зиму, когда закончилась война, ее родила в конюшне какая-то нищенка.

Вес ее, при рождении уже достигавший семи килограммов, дошел до ста, когда ей не исполнилось и тринадцати. Немая, она одиноко росла в своем собственном, закрытом от всех мире, постигая все премудрости обжига кирпича у отчима Муна. После того большого пожара, что унес жизни более восьмисот человек, ее арестовали, обвинив в поджоге, и посадили в тюрьму. Проведя в заключении много суровых лет, испытав весь ужас тюремной жизни, она, наконец, вернулась на кирпичный завод. В то время ей было двадцать шесть лет.

В летний полдень, когда знойное Солнце приблизилось к Земле на самое близкое расстояние и накалило мир, угрожая расплавить даже чугун, Чхунхи в синей тюремной робе стояла в самом центре кирпичного завода. Торчащая посреди двора колонка с насосом давно высохла, и только в поддоне рдело пятно от ржавой воды, что вытекала когда-то из железного носика. Около печей сквозь землю, накрепко утопанную ногами рабочих, пробились и густо разрослись, переплетаясь между собой, разные сорняки: портулак огородный, бодяк и полынь, вымахавшая выше человеческого роста. Среди трав густой порослью выделялся мелколепестник, неизменно окружавший завод со всех сторон, как солдаты осаждают крепость; стоило только хозяевам объекта оставить свои позиции, как этот сорняк незаметно пробрался внутрь и очень скоро захватил всю территорию завода.

Если говорить о заводских строениях, то они состояли всего из нескольких печей для обжига кирпича, вытянувшихся по одной длинной линии, да небольшого домика, кое-как сколоченного из досок и крытого шифером, однако за время отсутствия Чхунхи все постройки безнадежно обветшали или развалились. И в щелях рассыпавшихся печей, и на досках, служивших полом в домике, и на волнистой кровле из шифера, покрытого черным мохом, — везде буйно цвел мелколепестник. Таковы законы природы.

Чхунхи стояла босиком во дворе, по которому девочкой бегала много лет назад. Тополь, что рос рядом с колонкой и когда-то шумел густой листвой, сгнил и теперь торчал высоким пнем, а вместо листьев на нем гроздьями висели грибы — мясистые вешенки. Улетучился запах пота рабочих, стихли их громкие голоса, и теперь на просторном дворе стояла только Чхунхи. Всматриваясь, она с волнением пыталась разглядеть сохранившиеся в памяти старые образы завода, всю дорогу сюда вызывавшие у нее такую тоску, что щемило сердце, и старалась найти хоть какие-то следы присутствия людей, однако дождь и ветер за долгие годы смыли и разнесли все, что было, и от завода не осталось ничего.

«Жизнь прожить — это без конца вытирать скопившуюся пыль». Так говорила одна заключенная, сокамерница Чхунхи, у которой лицо было сплошь покрыто веснушками. Ее обвинили в том, что она накормила едой, отравленной цианистым калием, мужа и двух дочерей, и приговорили к смерти. В камере соседки по несчастью прозвали ее Цианистым Калием. До самого последнего часа перед казнью она без усталости подметала пол и вытирала пыль. Когда другие заключенные, насмехаясь над ней, спрашивали, зачем ей надо наводить порядок, когда жить осталось всего ничего, Цианистый Калий именно так и отвечала, возя тряпкой по деревянному полу. К этой фразе она порой добавляла: «В смерти нет ничего особенного — это будто пыль копится, только и всего». Чхунхи тогда не могла понять точный смысл сказанного, однако в тот день, подходя к полуразрушенному домику, вдруг почему-то вспомнила эти слова, похожие на загадку.

Палящие солнечные лучи знойного лета обжигали макушку. Закружилась голова, и ей пришлось ненадолго остановиться. Далеко под железнодорожным мостом начиналась узкая тропинка, что вела к кирпичному заводу, однако она уже давно заросла густым бурьяном. Чхунхи только что пробралась через эти заросли, испачкав штанины грязью и зелеными разводами от травы. При каждом шаге из большого пальца, от которого оторвался ноготь, непрерывно сочилась кровь и стекала на рыхлую желтую почву. Повсюду под ногами валялись куски кирпича, которые много лет назад, оставленные без присмотра на заводе, были расколоты и разбросаны местными хулиганами, а в небольших канавах после недавно пролившегося дождя личинки комаров, еще не успевшие вылупиться, копошились под горячими лучами солнца.

Чхунхи поднялась на дощатый пол открытой террасы дома, покрытого толстым слоем желтой пыли. Из щелей между разбитыми половицами выглядывали колоски лугового лисохвоста. Она дернула дверь, от которой отвалились петли, и из темной комнаты потянуло едким запахом плесени. К нему примешивался душок помета полевых грызунов и тошнотворная вонь, какая сопровождает разложение животного белка. Скоро глаза привыкли к темноте, и можно было разглядеть, что творилось внутри. Рядом с обломками шкафа и грудой тряпья валялись останки дохлой крысы. На стенах повсюду чернела плесень, посреди комнаты с потолка свисал клочок бумаги. Чхунхи оглядела комнату и через разломанную дверь прошла на кухню. Черные от копоти стены и потолок выглядели еще более удручающими. Полки обрушились, плита покосилась, на каменном полу скопилась тухлая вода. Котел, висевший над плитой, куда-то исчез. Над бывшей топкой вместе с недогоревшими поленьями валялись кастрюли. Вдруг пахнуло дымом, а затем до нее донесся вкусный запах только что сваренного риса, и она, поддавшись иллюзии, несколько секунд принюхивалась. Однако вскоре лишь холодный запах плесени коснулся ее носа — ни в одном уголке кухни она не ощутила тепла.

Чхунхи толкнула дверь, ведущую из кухни во двор, вышла наружу, и тут вдруг издали раздался гудок проходящего мимо поезда. Она направилась к печам. Даже после ее ареста из близлежащих деревень на завод пробирались люди с тележками и увозили бесхозные кирпичи. Они нужны были для ремонта жилья или кухонной плиты. А позже то, что осталось, растащили ради забавы местные озорники. И как только все пригодные для дела кирпичи исчезли, здесь никто больше не появился. По ночам между постройками сновали только лисы или барсуки — искали чем поживиться, и весь оставшийся без людей завод захватил сорняк, а желтая пыль, вместе с ветром прилетавшая с запада, потихоньку замела все следы человека.

Она вошла внутрь печи и ощутила прохладу. По сравнению с тем, что творилось во дворе завода, здесь мало что изменилось. Хотя солнечные лучи и пробивались сквозь щели разбитых стен, в темном пространстве веяло прохладой, как в пещере. Чхунхи уселась на полу и прислонилась к печи. Ее потная спина коснулась стылой стенки, и глаза закрылись сами собой. Вокруг стояла такая тишина, что, казалось, даже насекомые в траве затаились от изнуряющей жары.

Будто во сне, перед глазами возникла картина заводского двора, сплошь заставленного красным кирпичом. Вот она, маленькая, шалит, бегая между рядами штабелей. Кажется, она слышит громкую брань отчима, распекающего чернорабочих, и видит, как улыбаются глаза на мамином лице, всегда ярко накрашенном. Вспоминается сцена из фильма, который она, увязавшись однажды за матерью, посмотрела в кинотеатре. В ушах стоит шум от беспорядочно сливающихся звуков: тут и выстрелы, и топот лошадиных копыт, и фривольные вопли блондинок. Раздается и непонятное «беркшир» — это слово нашептывал ей в тюрьме надзиратель, который преследовал ее и без устали измывался над ней. Так называли породу свиней, выведенную в графстве Берк в Великобритании, но откуда Чхунхи могла знать, что означает это «беркшир». Позже она зубами разодрала лицо ненавистного надзирателя, и ему до самой смерти пришлось носить

алюминиевую маску, скрывавшую выдранную щеку. Из-за него Чхунхи как женщина испытала ужасные страдания, однако все это в прошлом. Страдания потускнели, тюрьма далеко позади, а она добралась до развалин кирпичного завода.

Едва различимо, как слуховая галлюцинация, ее ушей достиг стук колес проходящего поезда. Она погонялась за белой бабочкой в высокой траве. Листья обжигали голые лодыжки, однако и теперь она не могла понять, во сне все это происходит или наяву. А бабочка вдруг вспорхнула, устремилась к небу и стала парить в воздухе, удаляясь все выше и выше.

Ярко вспыхивают красные языки пламени. У печи, где беснуется огонь, мужчины ворошат уголь, и с их напряженных рук со вздувшимися венами по капле стекает пот, а взмокшие блестящие лица раскалены до красноты от жара и пламени, вырывающегося из топки. Каждый раз, когда в огонь летела очередная лопата угля, внутри топки во все стороны взвивались, как огненные цветы, снопы искр. Чхунхи сидела перед печью и смотрела на это яркое зрелище. Красные и голубые огненные языки смешивались, образуя колышущееся пламя, а за ним выпекались раскаленные докрасна кирпичи. Горячий воздух обжигал лицо, становилось тяжело дышать. Однако Чхунхи не могла сдвинуться с места. Жар все усиливался, и, словно собираясь слизнуть ее, из топки высунулся красный язык пламени. Казалось, если остаться на месте, то ее сейчас засосет в печь, и она тут же расплавится. Пронеслась мысль, что надо встать и бежать, но, к своему удивлению, она не в силах была даже пошевелиться, будто на нее навалилась тяжелая каменная глыба. Никто из мужчин, работавших у печи, не смотрел на Чхунхи. Она закричала им. Однако из пересохшего горла вырвался лишь невнятный слабый стон. Языки пламени колыхались уже перед самым носом. И вот уже огромный столб огня собрался наброситься прямо на нее, целясь в лицо. Чхунхи собрала все свои силы и вскочила.

Через некоторое время на нее, сидящую у колонки и успокаивающую дыхание, напало забытое чувство голода. Она

направилась к канаве, где черпала воду, и вернулась с недавно пойманным ужом. Эта довольно крупная змея, толстая и длиной более трех футов, была еще жива и обвивала ее руку. Чхунхи зубами перекусила шею гада и стянула с него кожу; обнажилось плотное белое мясо. В желудке змеи не успели перевариться лягушка и какое-то насекомое с крыльями. Прополоскав добычу в воде и отмыв ее от крови, Чхунхи намотала на одну руку хвост змеи и, начав от самой головы, принялась поедать ее сырой. Она отдирала зубами кусок, тщательно жевала, и рот наполнялся приятным вкусом мяса хорошей жирности. Заглатывая мясной сок, она выплевывала пережеванные кости. Вот так за один прием она спокойно съела всю змею. И лягушку, вынутую из нее, прополоскала в воде и тоже отправила в рот.

Стоило в желудок, пустовавший долгое время, попасть белковой пище, как скоро он стал отторгать съеденное, и к горлу подступила рвота. После куска тофу, полученного у тюремных ворот от какой-то старухи, она поела впервые за девять дней, поэтому неудивительно, что организм отреагировал так тяжело. Она зажала нос и насильно заставила себя глотать пищу, извергаемую желудком. С трудом успокоив свое нутро, прополоскала рот холодной водой, встала и натянула на себя еще не высохшую робу. Разодранные и обтрепанные части штанин она оторвала совсем. Одевшись, Чхунхи какое-то время бессмысленным взглядом осматривала завод. Затем наконец потихоньку двинулась к домику. Бродивший у печей хорек испугался, увидев ее, и убежал в заросли травы. И резвившаяся над мелколепестником стрекоза затрепетала крылышками, уступая ей дорогу.

На завод вернулся хозяин.

Перевод с корейского Ким Хвана и Ли Сан Юн